

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню — а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманнами мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет — за нее придется побороться! Героям Островской — самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям — приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Вера подъехала к офису и, припарковывая машину, заметила на крыльце женщину. Та была немолода, одета в светлое кашемировое пальто — вполне приличное, но, судя по покрою, не новое. Вероятно, это очередная посетительница, которая не решается зайти внутрь, а может быть, дожидается именно ее. Вполне может быть, что это какая-нибудь бывшая знакомая, но Бережная не помнила ее. На всякий случай она позвонила дежурному и спросила:

— На нашем крыльце дама. Она заходила, интересовалась кем-то?

— Да я уже битый час за ней по монитору наблюдаю. Зашла, спросила Бережную, а когда узнала, что вас нет, вышла. Мне кажется, она уверена, что вы вот-вот подъедете.

Но дама на крыльце не казалось уверенной. Она стояла спиной к входной двери, как раз под табличкой с названием детективного агентства, смотрела прямо перед собой, но, скорее всего, пыталась узнать, кто подъехал только что. И тогда Бережная вышла из машины. Подошла к ступеням, а жен-

щина, словно узнав ее, улыбнулась приветливо и смущенно.

— Верочка? — обратилась она к Бережной.

Но в голосе совсем не было уверенности.

— Мы знакомы? — удивилась Бережная.

Дама кивнула молча, словно надеялась, что Вера Николаевна сама вспомнит ее. Светло-русые волосы — крашенные, само собой. Ей лет сорок — сорок пять, а может, чуть-чуть больше. Что-то знакомое промелькнуло в ее лице.

Вера нажала кнопку, и дверь отворилась. Перед тем как войти, посетительница назвала себя, продолжая улыбаться:

— Я — Елизавета Петровна. Мы с твоей мамой работали вместе. Недолго, правда. Я даже в гостях у вас бывала. С дочкой приходила.

— Дочка Анечка, — наконец вспомнила Бережная. — Простите, что не узнала сразу, но столько людей проходит... Вы, конечно, изменились, но выглядите шикарно.

— Ну это вряд ли, — опять смутилась дама.

Они шли по коридору. Остановились возле кабинета директора. Вера открыла дверь.

— Прошу вас, Елизавета Петровна.

Теперь Вера вспомнила и ее и девочку, с которой она виделась, хотя, кроме нескольких встреч, другого общения с той девочкой не было, потому что разница в возрасте — четыре или пять лет — не давала им сблизиться. Потом дочь Елизаветы Петровны поступила в балетное училище. А очень

скоро их матери перестали общаться — разве что изредка по телефону.

— Как Аня? — поинтересовалась Бережная. — Стала ли балериной?

— Куда там. Ее же отчислили через два года. Она стала очень быстро расти, и педагоги решили, что девочка неперспективная. А она сейчас среднего роста, худенькая. Но ходит как балетная — спинка прямая и носки в сторону.

Елизавета Петровна сняла пальто, осторожно опустилась в глубокое кресло. Отказалась от чая и кофе. А Вера смотрела на нее и пыталась определить возраст посетительницы. Если она ровесница ее мамы или чуть младше, то она должна быть на пенсии.

— Вы и вправду замечательно выглядите, — сказала она, — мама, хоть и следит за собой...

— Как она? — не дала ей договорить Елизавета Петровна.

— Тоже хорошо выглядит, но мама перебралась в Крым. Там куча родственников, а тут никого — даже близких подруг нет. Вы-то пропали куда-то.

Бережная давно поняла, что бывшая знакомая мамы не просто так пришла: очевидно, ей нужна помощь.

— Как Аня поживает? — повторила она свой вопрос.

И только теперь женщина вздохнула, посмотрела куда-то за окно, прикрытое с улицы багровыми куполами невысоких подстриженных деревьев, на

серое осеннее небо, и наконец сообщила цель своего визита:

— Я, собственно, по ее поводу здесь. Дочке помощь нужна, а куда обращаться, не знаю.

— В полицию не пробовали?

Елизавета Петровна покачала головой:

— У нас другой случай. Дело в том, что Аня развелась не так давно. То есть давно — уже почти год прошел. Через суд разводилась, потому что у них с мужем ребенок, и вот по суду малыша оставили отцу. Мы пытались оспорить, но куда там! Ее бывший муж должен предоставить ей возможность общаться с сыном, не препятствовать встречам, отдавать на выходные, но он этого не делает. Даже наоборот — он его прячет. Мы пытались, опять же через суд, а там, как и прежде, повторяют, что решение принято на законных основаниях: дескать, средств для достойного содержания ребенка у матери нет, моральный облик ее... Не, по-другому говорят: будто бы она ведет антиобщественный образ жизни. Это — ложь! Просто ее бывший муж — очень богатый человек, отец его был каким-то крупным чиновником, и бороться с ними — бесполезное занятие. У нас ни знакомств, ни связей, ни денег... У дочери нет постоянной работы: куда бы она ни устраивалась, ее бывший муж узнаёт, звонит начальству, и ее увольняют под надуманным предлогом. А кому жаловаться — фирмы теперь все частные. Мы живем на мою пенсию, и я еще консьержкой подрабатываю — сутки через трое. По-

том встретила своего сокурсника, и он предложил работу в его аукционном доме — искусствоведом-оценщиком. Я же искусствоведческий закончила когда-то...

— Погодите, — попыталась остановить женщину Бережная, — давайте по порядку.

Но Елизавета Петровна ее не слушала:

— Общалась с адвокатом, но он говорит, что без взятки ничего не получится. И такие суммы называл! А у нас с Аней нет средств. Но я, да и она, готовы отработать. Мы можем убирать ваш офис, еще чего-нибудь можем делать. А еще я могу информацию нужную для вас поставлять. Я же консьержем не в простом доме работаю: там известные люди проживают. Я про многих что-то знаю. Нехорошо, конечно, шпионить, но когда...

— Погодите! — решительно прервала ее речь Вера. — Никто с вас денег не попросит и не собирается просить. Только я должна понять, что могу сделать. Нужны будут хорошие адвокаты — предоставим, нужно будет надавить на вашего мужа, постараемся это сделать без нарушения закона. Я сама займусь вашим делом. У меня личные связи имеются. Только необходимо ознакомиться подробнее с материалами. То есть с самого начала. Вы готовы прямо сейчас? Или на работу спешите?

Елизавета Петровна покачала головой:

— Со смены в доме я только что сменилась. А в аукционном доме меня предупредили, что в услугах моих больше не нуждаются.

— И в чем вы там провинились?

— Ни в чем, просто за всем этим стоит преступление.

— И в самом деле? — не поверила Вера. — Какое же?

— Убийство. Только оно было совершено давно. А сейчас всплыли кое-какие обстоятельства.

— С него и начнем, — встрепенулась Бережная. — Убийства, как вы знаете, — это мой профиль.

— Смешно, — оценила шутку женщина, — только это к делу не относится. И сейчас мне совсем не хочется смеяться.

— Я не шучу. Просто я в свое время в Следственном комитете только такими делами и занималась. А дочке вашей поможем. Есть решение суда, и его надо выполнять. А кроме того, проверим, насколько это решение было правомерным. Давайте с самого начала.

Елизавета Петровна вздохнула:

— Долго придется рассказывать.

— А я никуда не спешу, — ответила Вера.

И снова посетительница вздохнула, словно воспоминания приносили ей боль.

— Аня училась в экономическом. Там же и познакомилась с мужем. Филипп Первеев не был ее сокурсником. Он вообще учился на заочном. Просто однажды подошел к ней в коридоре, познакомился, а потом уже начал ее встречать постоянно. С цветами приезжал, как-то пригласил в кафе, в кино ходили...

— Первеев? — переспросила Бережная. — Он не родственник Федору Степановичу, который в свое время возглавлял юридический отдел мэрии?

— Филипп — его единственный сын. Муж Анечки страшным человеком оказался. А поначалу мне понравился. Выглядел таким воспитанным, обходительным. Когда он Ане предложение сделал, она сомневалась, принимать или нет, но я сама убедила ее: мол, где ты еще такого найдешь — любит тебя, интеллигентный, зарабатывает прилично... Другими словами, как ни крути, я же во всем виновата оказалась. Поначалу у них все хорошо было. Только, как выяснилось, он любил по клубам ходить. Сначала дочку мою с собой таскал, потом уж без нее. Когда утром возвращался, когда через день. Мне она не жаловалась, а когда она сказала об этом Федору Степановичу, то услышала от него, что сама в этом виновата: дескать, не можешь так дом обустроить, чтобы мужику никуда не хотелось из него уходить. Но сыну своему и слова не сказал, и все продолжилось. Филипп уходил, прятался от моей дочери. На звонки не отвечал или просто отключал свой телефон. Даже когда ребенок родился, он продолжал вести такую же жизнь. Только пропадал уже на два-три дня, а порою и дольше где-то скрывался. А полтора года назад у него появилась другая. Наверняка были женщины и до нее, но эта стала постоянной. Он ее даже к родителям своим привозил знакомиться. Родителям его она понравилась, потому что оказалась дочерью какого-то чиновника.

Вскоре Филипп подал на развод. Заявил, что жена его имеет большое пристрастие к алкоголю, а еще ему изменяет. В качестве доказательств представил какие-то фотографии, на которых Аня за столами, уставленными бутылками, или за барными стойками. А ведь это снимки со всех вечеринок, на которых они бывали вместе. А еще на фотографиях были мужчины, которые сидели рядом и обнимали Аню. Но все эти мужчины — друзья мужа дочери, и он же снимал. Думаю, что он специально их подговаривал. Одним словом, суд встал на его сторону, а женщина-судья даже выговор Ане сделала и потребовала бросить пить и вести себя как настоящая мать, а то в следующий раз она и вовсе лишит ее родительских прав. По суду Ане не запрещено встречаться с сыном по выходным, но ее ни разу не допустили к Федечке. Он живет с дедушкой и бабушкой в загородном доме, а Филипп с новой подругой в городской квартире, в которой они обитали с моей дочкой. В тот дом и я приезжала, но меня тоже не допустили к ребенку. Перееввых не видела, со мной через переговорное устройство разговаривали какие-то люди. Потом вышел охранник и сообщил, что хозяева находятся на отдыхе за границей. Я бросилась к Филиппу, попыталась связаться с ним через переговорное устройство, но он не отвечал. Я ждала перед подъездом. Только вечером он вышел из дома вместе со своей... У них камера над крыльцом установлена, и он, судя по всему, видел меня и не отвечал. Я подошла, но не успела ничего

сказать, потому что он сразу предупредил, что если я еще раз сделаю попытку вмешаться в его частную жизнь, то он примет меры.

— Не сказал, какие меры? — поинтересовалась Бережная.

— Сказал, что обратится за помощью в компетентные органы, а если я проникну внутрь дома, то, скорее всего, случайно упаду с лестницы. Надо было как то защитить себя и дочь, но у нас не было денег на адвокатов. Я только что вышла на пенсию, а она, сами знаете, какая: я и одна-то едва-едва концы с концами сводила, а тут еще Аня ко мне переехала. Работу она потеряла, находит другие места, но туда если и берут, то ненадолго. Филипп каким-то образом узнаёт, звонит начальству и говорит, что она алкоголичка, воровка и проститутка. Слава богу, что я консьержем устроилась, а потом и в аукционный дом. Но и там вскоре такие дела начали происходить, что поневоле подумаешь, что горе за нами с Аней по пятам ходит, а избавиться от него невозможно.

Глава вторая

О том, что в элитном жилом доме требуется консьерж, Елизавета Петровна Сухомлинова узнала совершенно случайно. Она с пластиковой корзиной направлялась к кассе универсама, уже подошла, как вдруг ее обогнала какая-то женщина в кожаном пальто — едва не сбила доверху набитой тележкой. Задела ее, пытаясь опередить, и встала у кассы,